

ВETERАНЫ БОРОДИНСКОГО ПОЛЯ

Тамара Версова

Среди сотрудников музея-заповедника, самих ветеранов, эти две женщины пользуются особым уважением. С одной из них — Л.И.Канаевой — я встретилась у ее дома в деревне Семеновское. С А.К.Борисовой место нашей беседы — зал экспозиции Великой Отечественной войны, где она служит смотрителем, — избрано не случайно.

«...НЕ ТО, ЧТО НЫНЕШНЕЕ ПЛЕМЯ»

Лидия Ивановна Канаева в колхозе «Бородино» с 1953 года. Бригадир-полевод, она все Бородинское поле исколесила на ...велосипеде, а ее бригада распахивала его, засеивала, косила...

— Да, я всю жизнь на велосипеде — за 17 лет три сломала на Бородинском поле. Но один остался... Я до сих пор в магазин не хожу пешком: ноги болят, и руки болят — вот что мы заработали... Вы знаете, как мы работали? С четырех утра и до позднего вечера. А что бригадир... — я вообще по 2–3 часа бывала дома. Спасибо свекрови (я прожила с нею 30 лет): дети мои — сын и дочь — учились на «5» только благодаря бабушке. Сын даже Золотую медаль получил, дочь в Артеке была за хорошую учебу. Свекровь моя идеальным человеком была и во всем меня поддерживала... В общем, купил мне муж велосипед — ездил на велосипеде. В колхозе говорят: «Давай мы тебе мотоцикл купим!» — «Нет, я разобьюсь на нем...» И вот я по полям — не то, что по дорогам, — на велосипеде... Я, конечно, очень расстроилась, когда меня бригадиром поставили, даже плакала: от своего коллектива и вдруг командовать коллективом — мне было очень тяжело. До меня бригадиром была Мария Федоровна Канаева, однофамилица, имела орден Ленина — она в 60 лет на пенсию ушла... У нас много прекрасных людей было. Раиса Никитична Козлова — сначала бригадир, потом — агроном, председатель колхоза; Тимирязевскую академию окончила — она мне очень-очень по-

Л.И.Канаева

могала. Благодаря ей мы получали знамена — на районных слетах передовиков сельского хозяйства все знамена были нашими: и по надою молока, и в полеводстве. По 80 центнеров с гектара собирали, а сейчас... И говорить больно... — по 4–5... В общем, орден Ленина я получила в 76-м году...

— А сейчас засеиваются те поля?

— Да что Вы! Что Вы!.. Сорняки там... Председатель колхоза размножил сорняки на Бородинском поле...

...В 90-е годы, когда в России все развалилось, «разорился» и колхоз «Бородино» — вместо него было создано Акционерное общество. О ветеранах — гордости хозяйства — было забыто. В позапрошлом году, правда, провели какое-то юбилейное мероприятие и подарили бывшим знатным колхозникам по альбому «Бородино». Но помнит и чувствует ветеранов Бородинский музей — не забывают и Лидию Ивановну, считают ее своей: ведь работали на одном поле! Сотрудники музея в уборочную страду вливались в бригаду Л.И.Канаевой, были ее палочкой-выручалочкой. Они отлично знают друг друга — симпатии здесь обоюдные. Музейщики непременно отметят врожденную интеллигентность Лидии Ивановны и добавят: «От нее никто бранного — ходового на селе и среди женщин — слова никогда не слыхивал... Она запомнилась нам своим велосипедом... А вы обратили внимание, какие у нее глаза? Ясные, чистые — она вся такая чистенькая... Да и мужа ее не только Семеновское знает: Михаил Канаев всю жизнь занимался фотографией — у него, видно, богатый фотоархив».

— Они все такие труженики — они здорово мне помогали: и косили, и картошку собирали, и свеклу убирали. ...Большое им спасибо! И Алиса Дмитриевна — большая труженица. И такой у нее порядок кругом полей, вокруг памятников, на самих полях... Идеальный человек Алиса Дмитриевна, — этими словами заканчивает нашу беседу Лидия Ивановна Канаева, ветеран Бородинского поля.

«МНЕ ЗДЕСЬ ВСЕ ПО ДУШЕ»

Об Анне Кузьминичне Борисовой говорят, что работает она в музее давным-давно, — и не помнят, когда точно пришла сюда: работала и на Поле — ухаживала за памятниками, и в экспозиции уже больше 10 лет. А вот об одном эпизоде ее военной жизни знают хорошо — он и самой Анне Кузьминичне до сих пор берedit душу.

— Мы приехали в 39-м году сюда, в колхоз «Семеновское», из Орши. Там трудно очень было: помню, соломой топились. А здесь дровами — из-за дров и переехали. Семья у нас была большая — 8 детей. Год прожили у председателя на квартире, потом он нам дал колхозный амбар. Места особо не было — сделали нары...

Я до войны успела замуж выйти, сына родила — при немцах рожала... А немцев у нас жило 6 человек — они спали на полу: дома тогда были теплые... И, когда мне пришлось рожать, меня немцы выкинули из хаты. Мама моя на колени встала: «Она же замерзнет!» — мороз стоял большой в декабре 41-го. Потом пришел один немец и за руку меня: «Матка, домой, а то холодно!» Пришла домой — схватки (простите меня, что такое вспоминаю), начинаю стонать. Они опять меня за дверь — я им спать не даю: 3 часа ночи. А мороз — градусов 40, наверное. Мама опять стала просить — они меня пустили домой и больше не выгоняли, пока родила... Мама сходила за акушеркой, немцы ее привели. Акушерка находилась со мной 2 часа, а потом немцы отвели ее обратно. Ну, а утром (это было 25 декабря) «наши» немцы сказали всем своим немцам — полная хата их набралась... Сказали мне: «Матка, показывай ребенка — распеленай его!» Я распеленала — мальчик! Они: «Ха-ха-ха! Матка, гут-гут-гут!» И даже гостинца стали давать. С этим они и ушли... А когда уезжали уже на фронт, так даже генерал приходил смотреть — говорит: «Матка, мы уезжаем на фронт, но мы вернемся еще», — но не вернулся никто...

Записала я сына только 25 января, месяцем позже. А вот если бы истинным днем рождения, получал бы сейчас от Германии компенсацию... Не получает, хоть и инвалид...

Когда немец отступал, он забирал всю молодежь и угонял с собой. А мой отец сидел в бане. Немцы спрашивают: «Партизан?» В это время заплакал сын, я говорю: «Нет, не партизан». Они: «О, матка?! Гут-гут...» Если бы меня там не было, они всех мужиков погнали бы на передовую.

— А когда немцы отступали, они сжигали дома?

— Когда немец отступал, он наши дома пожег — нас эвакуировали. Я поехала в Сады, где я раньше жила. Беженцев было очень много — может быть, со всего Можайского района или с Уваровского...

Немцы собрали нас в 2 дома; мы попали в 1-й дом, откуда наши наступали. Наши все в белых полубочках шли — они трое суток ждали, аж замерзали в снегу. Стали нас освобождать, а немец окружил нас со всех сторон — все в черном, как у нас сейчас монашки ходят... Немец хотел нас изжечь, но не успел...

А как пришли наши — мы все позакричали, позлакали: обрадовались... Народу битком, а коляска моя посреди стояла, мальчик мой так сильно плакал, что наши 2 километра на этот крик и шли... Никогда не забуду... Дверь открыли, со всех пар идет, такая теплота там была — ну, дышать нечем...

Семеновскую всю спалили — 2 дома только оставили. И в Садах все сгорело... Нам подводу дали — столько народу на дороге Можайской было, что нельзя и свернуть!..

— Анна Кузьминична, когда переезжали сюда из Белоруссии, знали — в какие исторические места едете?

А. К. Борисова

— Да, знали. Мой отец такой умный — он сказал: «Мы едем туда, где Бородинская битва с Наполеоном произошла». Нас приглашали жить в Поздняково, но отец решил остаться здесь.

Трудилась Анна Кузьминична и в колхозе, и в лесничестве, и дрова приходилось ей грузить. Свой первый бородинский день помнит — 28 июля 1961 года:

— На памятниках Бородинского поля работала 25 лет — ухаживала за Шевардинским редутом: французский памятник и наш — Артиллерийской конной бригаде памятник. Работала на правых, левых и на средних флешах — я их очень любила. У меня было, кажется, 14 памятников... В лесу 2 исторических памятника я обрабатывала — не нашей, а той войны. Почувствовала, что непосильна мне эта «пешеходная» работа, и вот уже 14 лет здесь — сколько существует эта экспозиция... В общем, 39 лет я в музее. Я его очень люблю. Знаю, где какие флешы, памятники. Мне здесь все по душе — иду сюда каждый день, как в родной дом... Буквально как в свой дом... Мне все хорошо, и все хороши — у нас все люди добрые...

Только что с молодежью ездила в Москву — в Бородинскую панораму и Исторический музей. Очень довольна. Панорама очень понравилась, а моему правнуку — ему 8 лет — больше понравился Исторический музей. Я в восторге до сих пор — благодарна и администрации (я вторично в Панораме), и даже нашему шоферу — так культурно довез нас, не тряхнул ни разу. Мне очень все понравилось... И у нас хорошо — 5 книг отзывов, и все заполнены.

— У Вас никогда не возникало мысли вернуться на родину, в Белоруссию?

— Сначала хотела. И знаете, почему? Нас почему-то недолюбливали. Были такие люди, что говорили нам: «Вы свою сбрую где-то сдали, а приехали на нашу.» Но мы быстро обжились... Родина моя здесь... А муж мой погиб в Белоруссии в первые дни войны... И надо бы бросать работу в музее, но боюсь. И дома сидеть скучно — привыкла к своим «научникам»: они такие добрые, такие все уважительные.

Вот так раздумчиво и, кажется, очень просто рассказывает Анна Кузьминична Борисова, старшая сотрудница Бородинского музея-заповедника, о своей нелегкой доле.